

ЛАСЛО ХОНТИ (Удине)

'HABERE' «ПО-УРАЛЬСКИ»*

Abstract. 'Habere' in Uralic

The paper discusses the modes of expressing the habitive (or existential-possessive) structure ('somebody has something') and the possessive attributive construction ('somebody's something') in Uralic languages, their morphological structures and the conditions under which they evolved. The former is a full sentence, whereas the latter is frequently a syntagme. 1. In Uralic languages two types of constructions are used to express the idea of possession in a full sentence: a) The possessum is the subject, and the noun denominating the possessor carries a case ending, which can be either an adverbial one (lative, locative or ablative), or grammatical (genitive or dative), or it has no case ending (nominative), or the possessor is followed by a postposition with a locational function. b) The possession is the objective complement of a verb meaning 'habere'. 2. In the possessive adjectival structure the possessive adjective is a noun in nominative or with genitive suffix (or with a locational suffix or postposition). The possession either carries a possessive suffix or it doesn't. Uralian languages similarly to the Indo-European language family do not have an ancient verb such as 'habere', they still use the habitive construction with a verb meaning 'esse' or 'non esse'. Most Uralian languages indicate the possessive relation on the possessum (as well) of the possessive attributive construction in the case of a possessor expressed otherwise than by a personal pronoun. This is done by possessive suffix in the third person (this is the case compulsorily in Hungarian, the Baltic-Finnish languages and Lapp don't use possessive suffix in construction of this type, whereas in other languages of the family this mode of indication is optional). The Uralic structure indicated on the possessum (as well) and called by many as *izafet*, a term borrowed from turcology, has been explained by some as the impact of neighbouring Turkic languages. However, the author of this paper is of the opinion that this is likely to be the outcome of a spontaneous internal development from the age of the Uralic protolanguage. There have been attempts to establish genetic links between Uralic habitive constructions involving the verb 'esse' and Indo-European languages, between the Uralic languages using the so called *izafet* and Turkic languages, but these constructions evolved autonomously in the mentioned language families.

Keywords: possessive construction, habitive construction, language contact, Uralic, Indo-European, Turkic.

0. Набео-конструкции в уральских языках

Статья посвящена конструкциям, выражающим отношения принадлежности (посессивные отношения) в уральских языках, их морфо-

*Дополненная версия доклада, прочитанного на «Конференции по уральским языкам, посвященной 100-летию К. Е. Майтинской» (12—16 ноября 2007 г., Москва).

логической оформленности и условиям их возникновения. Общеизвестное название их — *habeo*-конструкции; в них связи между обладателем и обладаемым часто очень слабые, они находятся друг с другом в т. н. отношениях внешней принадлежности.¹

1. Выражение посессивных отношений в уральских языках

В уральских языках для выражения посессивных отношений используются два типа конструкций:

1) слово, обозначающее обладаемое, — подлежащее, сказуемое — глагол-связка в 3-м лице; имя, обозначающее обладателя, принимает или адвербиальное (лативное, локативное, аблативное), или грамматическое (номинативное [= \emptyset], генитивное или дативное) падежное окончание, или же за словом, выражающим обладателя, следует послелог. Далее: а) слово, обозначающее обладаемое, получает лично-притяжательный показатель или нет, б) в предложении настоящего времени глагольное сказуемое есть или его нет;

2) слово, обозначающее обладателя, — подлежащее, а слово, обозначающее обладаемое, — прямое дополнение при глаголе со значением 'habere'. Здесь можно выделить различные подтипы (см., например, Angere 1956 : 159—161; Bartens 1996 : 58—59; Winkler 2003). Любой из них может встретиться в любом из языков данной языковой семьи, причем некоторые будут доминировать. *Habeo*-конструкции отдельных финно-угорских языков принято связывать с подобными конструкциями в соседних индогерманских языках.

Поскольку в уральских языках нет глагола 'habere', унаследованного из языка-основы, обладание или его отсутствие выражается глаголами 'есть, существует' и 'нет, не существует' или отрицательной частицей. Имя, обозначающее обладателя, в большинстве случаев имеет форму одного из своих падежей, а слово, обозначающее обладаемое, часто получает лично-притяжательные показатели (см., например, Fokos 1960 : 106; 1961 : 68; Angere 1956 : 159). Таким образом, уральская *habeo*-конструкция по своему типу напоминает латинскую конструкцию *mihi liber est* 'у меня есть книга', в которой для обозначения обладателя имеются разные морфологические

¹ И. Николаева придерживается следующей интерпретации выражения внешней принадлежности: «We take core instances of external possession (EP) to be constructions in which a semantic possessor–possessum relation is expressed by coding the possessor (PR) as a core grammatical relation of the verb and in a constituent separate from that which contains the possessum (PM)» (Payne, Barshi 1999 : 3). В *habeo*-конструкциях речь идет о внешнем притяжательном отношении, так как обладатель и обладаемое стоят вплотную друг к другу не в силу необходимости, например, фин. *pojalla on kirja* 'у мальчика есть книга', но нерушимое единство не составляют даже тогда, когда обладатель и обладаемое стоят рядом друг с другом, например, венг. *a fiúnak könyve van* 'у мальчика книга есть' ~ *a fiúnak van könyve* 'у мальчика есть книга' ~ *a fiúknak könyvük van* 'у мальчиков книга есть' ~ *a fiúknak van könyvük* 'у мальчиков есть книга'; среди венгерских примеров, приводимых И. Николаевой (Nikolaeva 2002 : 274), один имеет подобную конструкцию: *tudja Isten, mikor lesz vége ennek a kavarodásnak* 'Бог знает, когда будет конец этому хаосу'; но тесным, внутренним является отношение принадлежности в следующих предложениях: *a fiúk könyve új* 'книга мальчиков новая', **a fiúk könyvük új* 'книга [Px Pl3] мальчиков новая'.

решения. Схематично их можно представить следующим образом: Nomen- \emptyset /Gen/Adv/Postp + Nomen- \emptyset /Px + Verbum.

Языки различаются и тем (с позиций исторического языкознания), какие морфологические средства они используют для обозначения обладателя: если генитив, то какой именно, какое адвербиальное (выражающее пространственные отношения) падежное окончание или послелог.

Слово, обозначающее обладаемое, в прибалтийско-финских и саамском языках никогда не принимает лично-притяжательный показатель, в то время как в венгерском используется всегда с показателем, а в остальных языках возможны оба варианта, в крайнем случае один из них доминирует.

Большинство уральских языков знает только одну конструкцию, в которой морфология слова, обозначающего обладателя, не отражает того факта, что обладаемое поступает в его владение, находится в нем или владение прекращается. Прибалтийско-финские языки, если и не последовательно, но отражают отношения. Семантику предиката, не отражающего направления движения, по примеру Э. Кангасмаа-Минн (см., например, Kangasmaa-Minn 1984 : 120), я называю статической, а иную — динамической.

1.1. Статические habeo-конструкции в уральских языках

Статические habeo-конструкции в уральских языках можно разделить на два типа: *mihi liber est* и *habeo librum*. В первом типе выделяется несколько подтипов:²

а) П р и б а л т и й с к о - ф и н с к и е и с а а м с к и й языки маркируют слово, обозначающее обладателя, окончаниями генитива, датива, адессива или локатива: фин. *minu-lla* [Adess] *on lapsi- \emptyset* 'у меня есть ребенок', *poja-lla* [Adess] *on nälkä- \emptyset* 'мальчик голоден (букв. у мальчика есть голод)' ~ *poja-n* [Gen] *on nälkä- \emptyset* то же, лив. *mi'n nūgrimis-ti-dār- \emptyset n* [Dat] *um brūdganā- \emptyset* 'у моей самой младшей дочери есть жених', саамН *dâm gl'bma-st leggi gol'bmâ bardne- \emptyset* 'у этого человека было три сына' (Lakó 1986 : 132), *mū-st* [Loc] *læ manna- \emptyset* 'у меня есть ребенок', *mū-st* [Loc] *dâk gâl læk buorek bædnâgâk- \emptyset* 'у меня правда есть хорошие собаки', саамЮ *reäve-n* [Gen] *aaj biesjie- \emptyset* 'у лисы есть нора' (Hasselbrink 1981 : 323; 1985 : 1072), *muw* [Gen] *mana- \emptyset* 'у меня есть ребенок'. Прибалтийско-финский генитив(-датов) на *-n* возник в результате слияния генитива на **-n* и датива на **-n̄*. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: пбф. Nomen-Gen/Dat/Adess + Verbum + Nomen, саам. Nomen-Loc + (Verbum +) Nomen.

б) В о л ж с к и е финно-угорские языки используют для обозначения обладателя окончание генитива, которое образовалось в результате слияния двух падежей языка-основы: генитива на **-n* и датива на **-n̄* (ср. пбф.): морд. *at'a- $\acute{n}t'$* [GenRet] *kolmo tejt'er-enze* 'у отца есть три дочери', мордЭ *e'za- \acute{n}* [Gen] *ul'i suka-zo* 'у эрзя (мужчины) есть сука', *ul'i mazi avakš-ost* 'у них есть одна красивая курица', мордМ *moń* [Gen]

² Вместо сокращения слова *Nominativus* Nom и как отсутствие лично-притяжательного показателя использую знак \emptyset .

ul'it' vad'ra kniga-n 'у меня есть хорошие книги', (*erašt at'at babat kaftnest.*) *fkä čora-sna* '(жили-были старик со старухой,) у них был сын', мар. *mari-n* [Gen] *ulmaš imná-že* 'у мужчины была лошадь', *mān-ān* [Gen] *u kniγä-ø ulā* 'у меня есть новая книга', (*nun-ān* [Gen]) *ikšāwā-št uke* 'у них нет детей'. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: морд. (Nomen-Gen +) (Verbum +) Nomen-Px, мар. (Nomen-Gen +) (Verbum +) Nomen(-Px).

в) П е р м с к и е языки, в которых отсутствует древнее окончание генитива на *-n, к определению, характеризующему принадлежность предмета, присоединяют падежное окончание, изначально выражавшее пространственные отношения (адессив > генитив): удм. *odig ad'ami-len* [Gen] *vjlem kjk pij-ez* 'у одного мужчины было два сына', (*mjn-am* [Gen]) *njl-e van* 'у меня есть дочь', коми *joma-lēn* [Gen] (*em*) *kjk njv-ø* 'у ведьмы есть две дочери', *nj-lēn* [Gen] *em kujim pi-ø* 'у них есть три сына', *joma-lēn* [Gen] *pi-īs abu* 'у волшебника нет сына'. (В пермских языках такое положение характерно для случаев, когда обладателя выражает существительное, форма генитива личных местоимений не содержит окончания генитива, образованного от адессива, например, удм. топ 'я': *minam* Gen, коми те 'я': *menam, team* [Gen]; см. подробнее: Csúcs 2005 : 229—231). Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: удм. Nomen-Gen + (Verbum +) Nomen-Px, коми Nomen-Gen + (Verbum +) Nomen(-Px).

г) В о б с к о - у г о р с к и х языках для выражения посессивности наиболее часто используется конструкция с глаголом обладания. Наряду с ней встречается и конструкция с глаголом-связкой, в которой слово, выражающее обладателя, если оно имеется, стоит или в номинативе или наделено послеложной структурой, в хантыйском оно может получать и окончание локатива: хантВ *jěγət-nə* [Loc] *loγ-ø wālwāl* 'у моего отца есть лошадь', *měn-nə* [Loc] *wāγ-ø ěntim ~ mā-ø wāγ-am ěntim* 'у меня нет денег', хантЮ *χuj pěγət-nə* [PostpLoc] *wāγ-ø ut* 'у мужчины есть деньги', *χuj-nə* [Loc] *wāγ-ø ut* то же, мансЮ *nājār-ø püw-ī ālās* 'у царя был сын', *püw-ān āl* 'у них есть сын', *jükā pāl-t* [PostpLoc] *āwī-tī ālās* 'у женщины была дочь', мансЗ *noājər pālt* [PostpLoc] *āk püw-ø* 'у царя есть один сын', мансС *taw pāl-t-e* [PostpLocPxSg3] *nomt-ø mośša* 'у него мало ума'. В мансийском языке известны примеры, в которых слово, выражающее обладателя, обозначается дативом-лативом: мансС *naγ-ēn at-ke sāl', jol alilēmēn* 'если не жалеешь (букв. если нет (у тебя) жаления), то убьем его' (Munkácsi 1892—1921 : 85), мансВ *ně-sēr jol tētē äš-ně* 'что за польза в этом деле?' (Munkácsi 1894 : 192; Munkácsi, Kálmán 1986 : 169). Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: хант. Nomen-ø/Loc/Postp + Nomen-ø/-Px + Verbum/ParticulaNeg, манс. Nomen-ø/Dat/Postp + Nomen-ø/-Px + (Verbum/)ParticulaNeg.

д) В е н г е р с к и й язык, не обладающий древним окончанием генитива, использует для выражения отношений принадлежности локальное (по происхождению) падежное окончание: *a fiú-nak* ["Gen"] *könyv-e van* 'у мальчика есть книга', *a fiúk-nak* ["Gen"] *könyv-ük van* 'у мальчиков есть книга', *az apá nak* ["Gen"] *ház-a van* 'у отца есть дом', *az apá nak* ["Gen"] *nincs ház-a* 'у отца нет дома'. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: (Nomen-"Gen" +) Nomen-Px + Verbum/ParticulaNeg.

е) В с а м о д и й с к и х языках большей частью используется habeo-конструкция с глаголом-связкой. При этом личное местоимение или имя существительное, выступающие в качестве обладателя, как правило, имеют форму номинатива (в ненецком возможен и генитив, в камасинском только генитив, но в отдельных диалектах селькупского языка обладатель оформлен окончанием локатива или послелогом с локативной функцией), а обладаемое получает соответствующий лично-притяжательный показатель (Ким 1990 : 102; но в 3-м лице в северносамодийских языках это не обязательно). В северносамодийских языках в habeo-конструкциях используется также глагол 'есть, существует', возникший в результате слияния словосочетания «указательное местоимение + глагол-связка»: нен. *tañās* 'быть здесь, существовать', эн. *tonġā(s)* 'быть, иметься', нган. *taisü* 'там, здесь есть'.

В ненецком языке 1) не обязательно наличие слова, выражающего обладателя, в форме номинатива или генитива как подлежащего, в качестве сказуемого используются глаголы: *tañās* 'быть (здесь), существовать', *ñäes* 'есть, существует' или *janġos* 'нет, не существует' (в презенсе положительная форма глагола-связки может отсутствовать), например: *ñārka semja-da taña* 'у него большая семья', *šudb'e-ø šis'iw ñeñu-da ñäewi* 'у великана было семь дочерей', *mañ-ø ñamc-ø janġu* 'у меня нет еды'; 2) сочетание «обладатель в форме локатива + обладаемое без лично-притяжательного показателя» выступает в роли подлежащего, в роли сказуемого — *tañās* 'есть, существовать': *jān t'er-ħa?nat* [LocPl] *ñob? ñārka tād'eb'e-ø tañewi* 'у жителей земли был огромный шаман'.

В ненецком языке в одной посессивной конструкции с «внутренней» принадлежностью также используется дательный падеж: *ña-kan meñi-da* 'упряжные олени моего старшего брата (букв. брата-моего упряжные-его)' (Ким 1986 : 55; 1990 : 101). А. А. Ким рассматривает здесь слово *ñakan* как форму генитива, но оно может быть только формой датива с лично-притяжательным показателем (см. подробно: Hajdú 1968 : 43—44; Терещенко 1966 : 381). Структуры habeo-предложения с глаголом-связкой: (1) (Nomen-ø/Gen/Dat +) Nomen-Px + Verbum и Nomen-Loc + Nomen-ø + Verbum.

В энецком языке обладатель имеет форму номинатива (если вообще используется), обладаемое принимает лично-притяжательный показатель, за ним следует глагол-связка или его отрицательная форма: *kutuj t'e? poñd'e?-ø šidi bünkéyu-da edayi?* 'у некоторых оленеводов по две собаки бывает', *esg-j d'agu* 'у меня нет отца', *(mod'-ø) ne-j toneā* 'у меня есть жена'. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: Nomen-ø + Nomen-Px + Verbum.

В нганасанском языке посессивность выражается лично-притяжательным показателем при слове, выражающем обладаемое (обладатель стоит в номинативе, используется очень редко), далее следует глагол-связка: *kümā-ma eit'u* 'у меня есть нож'. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: (Nomen-ø +) Nomen-Px + Verbum.

В селькупском языке глаголы *eqo* 'есть' и *čäñkijqo* 'нет, отсутствует' определяют наличие обладания или его отсутствие. Имеются два типа habeo-конструкции: 1) наличие обладателя в форме номинатива не обязательно, обладаемое оформлено соответствующим

лично-притяжательным показателем, например: *nāqər ātəm eya* 'три оленя у меня есть', *tēmna-m t'aygwa* 'брата нет у меня' или *man-ø man-ta ek* 'у меня есть дом', *mi-ø man-wut t'anga* 'у нас нет дома'; положение не меняется, если обладателем выступает имя существительное: *īm-ø orep-ta kot' ek* 'у моего сына есть много силы'; 2) выполняющие роль обладателя имя существительное или личное местоимение в форме родительного падежа на юге ареала дополняются локативным послелогом *-nan*,³ а на севере — *mijqit*, обладаемое оформлено лично-притяжательным показателем, который может и отсутствовать: *tendj-nan* [PostpLoc] *ira-l en?* 'у тебя есть муж?', *eraga-nan* [PostpLoc] *jezan ī-t* 'у старика был сын', *iman mijkin* [PostpLoc] *ira-tj cāyimpā* 'у женщины не было мужа', см. также *ātā-l man-mijqät* [PostpLoc] *eya* 'твой олень у меня'. Структуры habeo-предложения с глаголом-связкой: (Nomen-ø +) Nomen-Px + Verbum и Nomen-Postp + Nomen(-Px) + Verbum.

Имеющийся в распоряжении автора незначительный материал к а м а с и н с к о г о языка свидетельствует о том, что обладатель, присутствие которого не обязательно, имеет форму генитива, обладаемое же оформлено соответствующим лично-притяжательным показателем. Предикатом в предложении является глагол-связка: *urāžʹ-n* [Gen] *šide nūka-t iʹbi* 'у Уража было две жены', *man* [Gen] *koʹptō-m ībiʹ* 'у меня была одна дочь', *man* [Gen] *nūkđ-m ige* 'у меня есть жена'. Структура habeo-предложения с глаголом-связкой: (Nomen-Gen +) Nomen-Px + Verbum.

1.2. Морфология слова-обладателя в статических habeo-конструкциях

1.2.1. Определения с глаголом-связкой

Морфология определения, характеризующего принадлежность предмета, в статических уральских habeo-конструкциях с глаголом-связкой приводится частично по Э. Кангасмаа-Минн (Kangasmaa-Minn 1993 : 53):

прибалтийско-финские язык	адессив, генитив
саамский	локатив, генитив
мордовский	генитив
марийский	генитив
пермские	гентив (< адессив), номинатив
обско-угорские	номинатив, локатив (в хантыйском), номинатив, датив-латив (в мансийском), послелог (в обоих языках)
венгерский	датив (> "генитив")
северносамодийские	номинатив, генитив (локатив)
южносамодийские	номинатив, генитив, послелог

Так как в уральских языках не было исконного глагола 'habere', можно с уверенностью сказать, что уже в праязыке для выражения принадлежности использовалась habeo-конструкция, созданная с помощью адвербиальных средств (Lakó 1991 : 28; Ravila 1965 : 62); ею могла быть конструкция: Nomen-Dat + Nomen(-Px).

³ Присоединяясь к личным местоимениям 1-го и 2-го лица, секвенция *-ni-* на стыке морфем сокращается, например: *man* 'я' + *nan* > *manan*; *tan* 'ты' + *nan* > *tanān*; *teban* 'вы DuPl' + *nan* > *tebanān*.

И. Николаева на основе анализа специальной литературы по общему языкознанию утверждает, что для обозначения внешней принадлежности, т. е. в *habeo*-конструкции, только прибалтийско-финские языки используют локатив (Nikolaeva 2002 : 275). Данное утверждение не соответствует действительности: в саамском языке наблюдается подобная же ситуация, в пермских языках окончание современного генитива (удм. *-len*, коми *-lgn*) первоначально было окончанием адессива, такие конструкции употребляются и в обско-угорских языках и в селькупских диалектах. Данная точка зрения приводится до сих пор в хрестоматиях пермских языков, изданных в Финляндии (см. Uotila 1938 : 46; Fuchs 1954 : 135; см. подробно: Серебrenников 1963 : 53).

1.2.1.1. Конструкции с древним дативным окончанием на **-ń*

Прибалтийско-финские, мордовские, марийский и самодийские языки регулярно используют в *habeo*-конструкциях окончание генитива на **-n* уральской эпохи и/или продолжение дативного окончания на **-ń*. В близкородственных прибалтийско-финских языках, в отдельных диалектах саамского языка, в мордовских и в марийском обладатель в *habeo*-конструкциях стоит в форме генитива. Используемая параллельно с выражением *pojalla on nälkä* 'мальчик голоден (букв. у мальчика есть голод)' структура *pojan on nälkä* то же является более ранней застывшей формой (Itkonen 1966 : 310, более подробно: с. 268). Из современных прибалтийско-финских языков только в ливском сохранился датив на *-n*, на функции которого, по мнению Л. Кеттунена, повлиял латышский язык (Kettunen 1938 : XLI). И. Николаева идет дальше, по ее мнению, в ливском языке окончание генитива **-n* под влиянием латышского языка переосмыслилось и стало окончанием датива (Nikolaeva 2002 : 277). Данное высказывание безосновательно: любой справочник финского языка информирует о том, что, например, в предложениях типа *hänen on nälkä* 'он голоден', *pojan on nälkä* 'мальчик голоден' формант *-n*, который обозначает обладателя и в настоящее время считается окончанием генитива, первоначально был окончанием датива (далее: окончание генитива **-n* отпало в ливском языке, оно утрачено и в эстонском).

С точки зрения исторической фонетики *n*-овому дативному окончанию следовало исчезнуть и в ливском языке, но оно сохранилось благодаря своей функции (Kangasmaa-Minn 1993 : 47); в прибалтийско-финских языках используется большей частью в *habeo*-конструкциях. Дативное окончание *-n* с первоначальной лативно-дативной функцией начало оттесняться на задний план по той причине, что используется, точнее использовалось много морфем с компонентом *-n*, например, окончания генитива, аккузатива (< **-m*), датива-латива, инструктива, окончание **-n* у личных местоимений в двойственном числе, **-n* как показатель множественности обладаемого в парадигме с лично-притяжательными окончаниями, *-n* как суффикс имен существительных (см. Ravila 1941 : 75—80; Itkonen 1966 : 267; Laanest 1982 : 169—171; Korhonen 1991 : 167; Leskinen 1991 : 28—29; Huumo 1995 : 70; а также Hajdú 1981 : 138; 1987 : 223).

Несомненно, что этот (притяжательный) дативный *-n* восходит к прафинскому дативу, который, по мнению большинства ученых, в свою очередь восходит к финно-угорскому лативу на **-ń* (Laanest 1982 : 169—171; см. также Posti 1937 : 289; Бубрих 1953 : 43, 56—57, 207; Серебrenников 1963 : 18—19, 65, 84; 1967 : 36; Hajdú 1987 : 223).

1.2.1.2. Сравнительно новые *habeo*-конструкции с дательным падежом

Э. Кангасмаа-Минн обнаружила полдюжины марийских предложений, в которых окончание датива *-lan/-län* обозначает обладателя в *habeo*-предложениях. Половина примеров почерпнута в переводах произведений библейского характера (Kangasmaa-Minn 1969 : 39). На этой основе можно утверждать, что речь идет не об единичном явлении, к тому же Э. Беке приводит еще примеры: *kuruk-lan üšək ulo* 'у горы есть тень', *kuku-lan šədaŋəm βüdalš(-at) ulo* 'у кукушки есть, кто посадит пшеницу (= сеятель пшеницы)' (Beke 1911 : 213). В этом сложном марийском падежном окончании назальный восходит к финно-угорскому лативному окончанию *-ń* (Bereczki 1988 : 342).

В коми языке окончание датива *-lj* также может выражать притяжательные отношения: *žept-as d'adg-lj ki sujās* 'руку засовывает в карман человека', *jel'ena carovna-li vož-as jurse puktis...* 'он положил голову на колени царевны Елены' (Fokos 1957 : 176), *luteja zmeja orde sj-lj kar ulās i voisnjs* 'к лютому змею (они) подошли, как раз к окраине его города (букв. к лютому змею именно к его городу [= ему (аллатив) под город] прибыли)', *kare pjas a mune kajin sar-lj dvoreč-as* 'войдет в город и пойдет к царю Каину в его дворец (букв. войдет в город и пойдет царю Каину (аллатив) во дворец)' (Fokos 1957 : 175; см. также Rédei 1962 : 203).

И. Николаева пишет, что венгерский язык единственным среди финно-угорских для обозначения обладателя при выражении внешней принадлежности использует датив, иногда в качестве исключения она приводит и ливский язык (Nikolaeva 2002 : 277). По крайней мере, следовало бы знать о существовании финской конструкции *minun on nälkä* 'я голоден'. По мнению И. Николаевой, в объяснении Л. Бенкё происхождения притяжательной функции датива в венгерском языке (Benkó 1979 : 57) сомнения вызывает утверждение о том, что датив только в венгерском используется для выражения внешней принадлежности, и поэтому она тоже присоединяется к уже не новому мнению о том, что венгерская *habeo*-конструкция с обладателем в дативе возникла, по всей вероятности, под влиянием других языков (Nikolaeva 2002 : 283—284; научная предыстория: Simonyi 1914 : 153—154). Обозначение обладателя с помощью окончания датива *-nak/-nek* в венгерском языке однозначно является следствием внутреннего развития языка, функциональной предпосылкой тому послужил *dativus possessivus*, и структура *a ház teteje* 'крыша дома (= дом [ø] + крыша [PxSg3])' опередила возникновение структуры *a háznak a teteje* 'крыша дома (= дома [Dat] + крыша [Px3Sg.])' (Benkó 1979 : 57; 1988 : 24—25; см. также von Gabain 1950 : 97). Во многих языках встречаются конструкции, в которых датив функционально близок генитиву. Процесс приобретения вторичной генитивной функции дативным окон-

чанием *-nak/-nek* в венгерском языке подробно рассматривает К. Коромпай (Korompay 1991 : 301—302; см. также Itkonen 1966 : 268; Havers 1911 : 1—2). Способность венгерского датива выражать посессивные отношения однозначно подтверждают его близкородственные языки — хантыйский и мансийский (см. 1.2.1.3.).

И. Николаева высказывает достаточно противоречивые мнения и о происхождении *dativus possessivus* в венгерском языке: «the Dative possessor construction in Hungarian is a likely result of the convergence with European languages and therefore is relatively recent. It emerged after the Hungarian Conquest, first probably in the written language influenced by the Latin texts, although we cannot exclude the influence of the neighboring languages on spoken Hungarian either» (Nikolaeva 2002 : 283) или «Hungarian copied the morphology of the neighboring languages» (Nikolaeva 2002 : 284). В связи с этим я хотел бы обратить внимание на два положения.

а) Предположение о том, что формирование венгерского *dativus possessivus* произошло благодаря конвергенции с «европейскими» (?) языками, не дает еще повода говорить о том, что в венгерском языке, по всей вероятности, речь идет о молодом явлении (см. Korompay 1991 : 301—302).

б) На основе высказывания И. Николаевой мне трудно решить, оформился ли *dativus possessivus* в венгерском языке путем конвергенции или под влиянием других языков, потому что эти два явления не одно и то же.

1.2.1.3. О чем свидетельствуют данные обско-угорских языков

В этих языках личные местоимения в форме датива выступают в качестве притяжательных местоимений для обозначения обладателя при единичном обладаемом, но не в *habeo*-конструкциях или в конструкциях с определением, характеризующим принадлежность предмета, а как сказуемое, например, хант. (а) *tānet* 'мне, мой': *Тами ма шукем!* — *лунас Айвой.* — *Ма нанг киньсена ар руптистум!* — *Антэ, манэм!* — *ушл Кервой.* 'Это моя крошка! — говорит Мышонок. — Я больше тебя работал! — Нет, моя! — кричит Снегирь'. *Манэм* — личное местоимение 1-го л. ед. числа в форме датива, т. е. букв. не 'моя', а 'мне' (Колпакова 1997 : 52; 2000 : 134—135); (б) *naŋen* 'тебе, твой', *luvel* 'ему, его', но: *naŋilan* 'ваши', *ninilan* 'ваши, вас двоих': *tam laŋki miŋ naŋen miŋ luvel* 'эта белка или твоя, или его?'; *tam laŋket miŋ naŋilan miŋ ninilan* 'эти белки или твои, или ваши (вас дв. ч.)?' (Штейниц 1980 : 36—37); (в) *tānet* 'мне, мой', *taŋew* 'нам, наш': *χōj ewi tān? χōj pūtjilka? χōj pūtjilka? a-a? tānet. tāŋew* — *šī lōrəl* (хозяйка к девочке:) 'чья эта девочка? чья эта бутылка? чья эта бутылка? А-а? Моя. (Интерпретируя едва слышный ответ девочки:) Наша, — сказала' (Schmidt 1988 : 319—320).

В мансийском языке положение с посессивными конструкциями напоминает таковое в хантыйском, так как функцию притяжательного местоимения выполняет дативно-лативная форма личных местоимений, например: мансС *anət* 'меня, мне, мой', *tauwe* 'его (Acc), ему, его', *tēntēn* 'нас, нам, наш (Du1)', *tāpaw* 'нас, нам, наш (Pl1)': *nēpək*

ānət 'бумага моя', *pisal' tawe* 'ружье его', *koləy mēnmēn* 'дома (дв.) наши (дв.)', *sālit mānaw* 'олени наши' (Лыскова 1986 : 130). Данная структура хорошо проявляется в следующем примере: мансЮ *ām(ān) waykā kirt kāləy, kāsəm ā sows* 'у меня не было желания умереть в колодце'. Предложение можно объяснить двояко в зависимости от того, стоит местоимение в номинативе или в дативе '(моего) желания не было' и 'не было у меня желания'. «*emä-n* 'я' — форма без падежного окончания, дополненная местоименным суффиксом *-n*, которая одновременно является формой датива (латива), и в ней местоименный суффикс *-n* и окончание латива *-n* слились вместе» (Beke 1959 : 86). Это предложение можно принять за *habeo*-предложение, за конструкцию со слабой, внешней принадлежностью. В связи с приведенными обско-угорскими примерами см. венг. *Kinek harapta meg a kezét a kutya? — Nekem!* 'Кому собака укусила руку? — Мне!'

В мансийских материалах Б. Мункачи в *habeo*-конструкциях встречается обладатель, оформленный дативно-лативным окончанием: мансВ *ně-sər jol tètè äš-nè 'mi haszna van ennek a dolognak?* (что за польза в этом деле?)' (Munkácsi 1894 : 192; Munkácsi, Kálmán 1986 : 169). Э. Беке приводит подобный пример из своих материалов также из северного диалекта мансийского языка (Beke 1905 : 99); см. мансС *naŋ-èn at-ke sāl, jol alilēmēn* 'если ты его не жалеешь (= если у тебя нет жалости), то убьем его' (Munkácsi 1892—1921 : 85). Выражение *naŋ-èn at-ke sāl...* — слабая, косвенная, внешняя притяжательная конструкция, в которой обладатель имеет форму латива-датива.

1.2.2. Набео-конструкции с глаголом-связкой 'быть' в индоевропейских языках

В латинском языке для выражения притяжательных отношений рядом с глаголом 'esse' стоит *dativus possessivus*, если ударение падает на обладаемое: *mihi liber est* 'книга есть у меня', но если под ударением находится слово, обозначающее обладателя, используется генитив: *patriis est domus* 'у отца есть дом, отцов дом' (Nagy, Kováts, Péter 2001 : 124; Hittrich, Kliment [без года издания] : 125). По мнению В. Хаверса, этот *dativus sympatheticus* в отдельных индоевропейских языках (санскрит, древнегреческий) используется только с местоимениями, и в первую очередь с личными местоимениями, но в латинском народно-разговорном языке, в германских и балто-славянских языках *dativus possessivus* используется и с именами существительными (Havers 1911 : 319). *Dativus possessivus* или *dativus-sympatheticus* (= *Pertinenzdativ*; Л. Х.) известен во многих индоевропейских языках — славянских, германских, романских и латышском (Miklosich 1868—1874 : 611; Havers 1911 : 317—319; Beke 1925 : 112; Royen 1929 : 902; Benveniste 1960 : 122—123; Ramat 1986; Rocchi 2003 : 197—200; Anderson 1978 : 54; см. Lass 1997 : 266—267). В некоторых языках, как румынском, албанском, болгарском, новогреческом, функции генитива и датива слились (Miklosich 1868—1874 : 605 и сл., 611; Simonyi 1914 : 140; Sandfeld 1930 : 185—195). В еврейском языке обладатель также имеет форму датива (Givón 1976 : 59; Fokos 1961 : 72). То, что *dativus possessivus* не чужд европейским языкам, свидетельствуют переводы крылатых

выражений Плавта: лат. *homo homini lupus est* > нем. *der Mensch ist dem Menschen ein Wolf* ~ англ. *man is a wolf to man* ~ итал. *l'uomo è un lupo per l'altro uomo* ~ рус. *человек человеку волк* ~ венг. *ember (az) embernek farkasa* ~ фин. *ihminen on ihmiselle susi* ~ эст. *inimene on inimesele hunt*.

1.2.3. Возможное взаимовлияние уральских и индоевропейских языков в посессивных конструкциях с глаголом-связкой 'быть'

В специальной литературе о контактах финно-угорских и индоевропейских языков в части посессивных конструкций, выраженных дативом (локативным предлогом или послелогом), или конструкций с определением, характеризующим принадлежность предмета, высказываются прямо противоположные мнения и немотивированные соображения. Первоначально в индоевропейских языках, точнее в праязыке, не было глагола 'habere'. Посессивность выражалась глаголом 'esse' и местоимением, обозначающим обладателя, в дательном падеже (Гамкрелидзе, Иванов 1984 : 288—289).

а) Рассматривая историю возникновения латышских и русских habeo-конструкций, отдельные ученые предполагают в них финно-угорский субстрат или адстрат (Misteli 1893 : 74; Veenker 1967 : 117—119; Kirparysky 1969 : 15—16; Erdódi, Sz. Kispál 1973 : 59; Stolz 1991 : 73—74; Suhonen 1993 : 161), другие, наоборот, отвергают данные предположения (Бирнбаум 1997 : 28; Winkler 2003 : 203). Мне кажется, прав Э. Винклер, когда считает ошибочным объяснение русской habeo-конструкции финно-угорским субстратом. Он ставит вопрос, не является ли финская habeo-конструкция (фин. *minulla on...* 'у меня есть') русской по происхождению, ср. рус. *у меня есть...* Но ввиду отсутствия дальнейших исследований, Э. Винклер ответа не дает (Winkler 2003 : 205).

б) По всей вероятности, на функции ливского датива повлиял латышский язык (Kettunen 1938 : XLI; Nikolaeva 2002 : 277; Winkler 2003 : 205).

в) По той причине, что в хантыйском языке обладатель выражен локативом, Э. Винклер предполагает, что данная конструкция своим происхождением обязана влиянию русского языка (Winkler 2003 : 201).

г) Т. Ризе (Riese 1990 : 179) и Э. Винклер (Winkler 2003 : 201) полагают, что послеложная habeo-конструкция в мансийском языке могла возникнуть под влиянием русского языка. Э. Винклер подвергает основательной критике мнение Р. Бартенс (Bartens 1996 : 63), согласно которому мансийскую локативную habeo-конструкцию нельзя рассматривать как результат русского влияния, так как в хантыйском есть ее эквивалент (обладатель стоит в локативе или используется с послелогом в локативной форме). Но Р. Бартенс права в том, что нет необходимости видеть здесь русское влияние.

д) По мнению Э. Винклера, послеложная синтагма в посессивной конструкции в селькупском языке также могла возникнуть под влиянием русского языка, т. е. в селькупском к древней конструкции 'олень-мой есть' приспосабливается соответствующее рус. *у меня*, но при этом сохраняется лично-притяжательный показатель (Winkler 2003 : 201).

Языки, в которых глагол 'habere' отсутствует, выражают притяжательность, как правило, конструкциями с локативными отношениями (Rocchi 2003 : 196); это касается и обско-угорских языков, так как 'habere' в них явление позднее и еще сегодня сохраняет свое изначальное значение 'держатъ, содержать'. По мнению А. Памиеса, *dativus possessivus* имеет (сегодня) специфическую функцию: «la topicalisation du PSM [= possessum; Л. Х.] et la marque des relations inhérentes à l'intérieur du romaine personnel vis à vis du PSR» [= possessor; Л. Х.] (Pamies 2002 : 83). На мой взгляд, это может касаться только тех языков, в которых как альтернатива выступают *habeo*-конструкции и с глаголом 'habere', и с *dativus possessivus*. В случае русского и некоторых уральских языков, в *habeo*-конструкциях которых обладатель обозначается локативной конструкцией с предлогом или конструкциями с локативом или с послелогом в локативе, можно предполагать как влияние: русский язык > отдельные уральские языки, так и обратное влияние: отдельные уральские языки > русский язык. Однако подобные конструкции уральских и индоевропейских языков полностью независимы друг от друга.

2. Уральские конструкции с глаголом 'habere'

В финском языке имеется *habeo*-конструкция с переходным глаголом (*omistaa* 'владеть, у него есть'), например: *poika omistaa kirjaa* 'у мальчика есть книга'.

В саамском языке также используется конструкция с переходным глаголом, возможно, даже чаще, чем в финском языке (саамН *âdnēt*, саамЛ *atnēt*, саамЮ *utnedh*) 'использовать, приспособлять; содержать, иметь': саамН *ânē gieridâvâšvuodâ!* 'будь терпелив ко мне!', саамЮ *Laara bienjem âtna* 'у Ларса есть собака'.

Марийском языке тоже не чужда *habeo*-конструкция с переходным глаголом (*kućem* 'ловить, держать, содержать': *ćodra-m* [Acc] *kućem* 'у меня есть лес (= я держу лес)').

В обско-угорских языках для выражения притяжательности в основном используется глагол 'habere' (хантВ *tăja-* ~ *těj-*, мансЮ *ğńś-*, мансС *õńś-*), например, хантВ *lõγ tăjawâl lγ* 'у него есть лошадь', мансЮ *šalkhân-mä äñćást* 'у них было поле под репу', мансС *luw-ø õńśi* 'у него есть лошадь'. Хантыйские глаголы вах., вю. *tăja-*, сург., ирт., каз. и т. д. *těj-* 'владеть, у него есть; содержать' и мансийские глаголы тав. *ğńć-*, мансС *õńś-* и т. д. 'иметь' первоначально имели значение 'держатъ, содержать, носить', ср. хант. трю. *imi ñeγ rəm těj* 'женщина родила ребенка', трю. *tějəm*, ирт., каз. *tějəm* 'поношенный, истасканный, использованный (одежда, инструмент и т. д.)', манс. тав. *šupú kháltérém nártim äñćiu* 'через него закинули мост', *īsant ğńćän ämänni!* 'думай обо мне! (= держи меня в своем уме!)', *nawəwsəm kül kwirt ğńćəγ* 'меня начали содержать в комнате', ср.-лоз. *kwän-äñśi* 'выносить, доносить (ребенка)'.

В венгерском языке в значении глагола 'habere' используются *bír* 'владеть, иметь, пользоваться', *birtokol* 'владеть, обладать' и *rendelkezik vmivel* 'располагать, обладать, владеть', в том числе подобную функцию имеет глагол *tart* 'держатъ, содержать, иметь': *a magyar*

paraszt mindig tartott disznót 'у венгерского крестьянина всегда была свинья (= венгерский крестьянин всегда держал свинью)'.
В ненецком языке притяжательность можно выразить с помощью глагола *meć* 'содержать, владеть, обладать', например: *kolχos-waʔ tī meʔŋa* 'у нашего колхоза есть олени'.

В нганасанском языке для выражения притяжательности имеются два глагола 'habere': *χonsj* 'владеть, обладать' и *ŋudasa* то же: *nakiürə kuədümu nüə χontj* 'у него есть три сына', *mənə sədəə-m-tj ŋu-datum* 'ваши дороги в моих руках'.

В селькупском языке глагол *werjgo* 'держатъ' имеет значение 'habere': *kapitalistj muntjk wlast' wgratjt* '(в руках) у капиталистов вся власть, капиталисты владеют всей властью', *man ukón aatam wueresam tiè aatam tjanga* 'я прежде держал оленей (ед. ч.), теперь у меня оленей (ед. ч.) нет'.

В доступных автору камасинских источниках следов, свидетельствующих об использовании глагола 'habere', не удалось обнаружить.

В доступных автору камасинских источниках следов, свидетельствующих об использовании глагола 'habere', не удалось обнаружить.

3. Заключение

Уральские языки для выражения посессивных отношений используют в основном конструкцию 'mihi liber est', периферически встречается и 'habeo librum'. В языках, в которых отсутствует глагол 'habere', притяжательность, как правило, выражается конструкцией с локативом, чаще с адессивом, подобную функцию во многих уральских языках имеет и датив. В отдельных уральских языках глаголы используемые в значении 'habere', восходят к глаголам со значением 'tenere'. В языках, в которых встречаются habeo-конструкции как с глаголом habere, так и с дативным притяжательным, *dativus possessivus* имеет специфическую функцию: топикализация обладаемого и указание на его ингерентное отношение к обладателю в личной сфере.

Address:
László Honti
Università di Udine
Dipartimento di Glottologia e Filologia Classica

ЛИТЕРАТУРА

- Бирнбаум Х. 1997, Еще раз о завоевании Северо-Восточной Европы славянами и о вопросе финно-угорского субстрата. — Балто-славянские исследования 1988–1996. Сборник научных трудов. К шестидесятилетию Владимира Антоновича Дыбо – коллеги, друзья, ученики, Москва, 23–29.
- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984, Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, Тбилиси.
- Ким А. А. 1986, Способы выражения посессивности в самодийских языках. — Языки народов севера Сибири (сборник научных трудов), Новосибирск. 51–60.

- 1990, Выражение посессивности в самодийских языках. — Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. Том 2, Москва, 100—102.
- К о л п а к о в а Н. Н. 1997, Некоторые особенности выражения посессивных отношений в угорских языках. — Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 6, Санкт-Петербург, 51—61.
- 2000, Некоторые особенности выражения посессивных отношений в угорских языках. — Кафедра финно-угорской филологии 75 лет. Избранные труды, Санкт-Петербург, 134—141.
- Л ы с к о в а Н. А. 1986, Именное сказуемое в обско-угорском предложении (на материале северных диалектов хантыйского и мансийского языков). — СФУ XXII, 128—137.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермикских языков, Москва.
- 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Ш т е й н и ц В. К. 1980, Хантыйский (остяцкий) язык. — W. Steinitz, Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Ostjakologische Arbeiten. Band IV. Budapest—Berlin—Den Haag, 5—62.
- Т е р е ш е н к о Н. М. 1966, Ненецкий язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 376—395.
- A n d e r s o n, St. R. 1978, On the Development of Morphology from Syntax. — Historical Morphology, The Hague—Paris—New York (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 17), 51—69.
- A n g e r e, J. 1956, Die uralo-jukagirische Frage. Ein Beitrag zum Problem der sprachlichen Urverwandtschaft, Stockholm.
- B a r t e n s, R. 1996, Die positive und negative Existentiale in den finnisch-ugrischen Sprachen. — UAJb. Neue Folge 14, 58—97.
- B e k e, O. 1905, A vogul határozók. — NyK 35, 71—100.
- 1911, Cseremis nyelvten, Budapest.
- 1925, A mondatrészek fejlődése. — Nyr. 54, 108—112.
- 1959, A manyi birtokos dativus. — NyK 61, 86—89.
- B e n k ő, L. 1979, Über die Bezeichnung des ungarischen Possessivattributs. — Festschrift für Wolfgang Schlachter zum 70. Geburtstag, Wiesbaden, 57—64.
- 1988, A magyar birtokos jelzős szerkezet jelölésének történetéből. — MNy 84, 24—31.
- B e n v e n i s t e, É. 1960, Être et "avoir" dans leurs fonctions linguistiques. — Bulletin de la Société Linguistique de Paris 55, 113—134.
- B e r e c z k i, G. 1988, Geschichte der wolgafinnischen Sprachen. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden—New York—København—Köln, 314—350.
- C s ú c s, S. 2005, Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache, Budapest.
- E r d ő d i, J., Sz. K i s p á l, M. 1973, Nyelvünk finnugor (uráli) alak- és mondatnani sajátosságai, Budapest.
- F o k o s, D. 1957, Etimológiai, jelentéstani és szintaktikai adalékok. — NyK 59, 173—178.
- 1960, Etimológiai, jelentéstani és szintaktikai adalékok. — NyK 62, 101—111.
- 1961, Uráli és altaji összehasonlító szintaktikai tanulmányok. — NyK 63, 63—81.
- F u c h s, D. R. 1954, Grammatikalischer Abriß. — Y. W i c h m a n n, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsinki, 135—166.
- v o n G a b a i n, A. 1950, Alttürkische Grammatik, Leipzig.
- G i v ó n, T. 1976, Topic, Pronoun and Grammatical Agreement. — Subject and Topic. New York—San Francisco—London, 149—188.
- H a j d ú, P. 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
- 1981, Az uráli nyelvészet alapkérdései, Budapest.
- 1987, Die uralischen Sprachen. — P. H a j d ú, P. D o m o k o s, Die uralischen Sprachen und Literaturen, Budapest—Hamburg, 21—450.
- H a s s e l b r i n k, G. 1981, Südlappisches Wörterbuch. Grammatik und Wörterbuch, Uppsala (Schriften des Instituts für Dialektforschung und Volkskunde in Uppsala. Ser. C:4. Band I).

- 1985, Südlappisches Wörterbuch. Grammatik und Wörterbuch, Uppsala (Schriften des Instituts für Dialektforschung und Volkskunde in Uppsala. Ser. C:4. Band III).
- Havers, W. 1911, Untersuchungen zur Kasussyntax der indogermanischen Sprachen. Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft 3. Straßburg.
- Hittrich, Ö., Kliment, J. [без года издания], Latin nyelvtan gimnázium és leánygimnázium számára, Budapest.
- Huimo, T. 1995, Paikallissijan kieliopillistuminen datiivi-genitiivin funktioon: uralilaisen *n*-sijan ja itämerensuomalaisen adessiivin kehityksen vertailua. — Sananjalka 37, 55—79.
- Itkonen, E. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki.
- Kangasmaa-Minn, E. 1969, The Syntactical Distribution of the Cheremis Genitive II, Helsinki (MSFOu 146).
- 1984, On the Possessive Constructions in Finno-Ugric. — NyK 86, 118—123.
- 1993, Suomalais-ugrilaiset omistussuhteet. — Systeme ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14. 5. 1993, Turku (Turun Yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42), 46—54.
- Kettunen, L. 1938, Livisches Wörterbuch mit grammatikalischer Einleitung, Helsinki (LSFU V).
- Kiparsky, V. 1969, Gibt es ein finnougrieches Substrat im Slavischen? — Suomalaisen Tiedeakatemia toimituksia. Sarja B, nide 153/4, Helsinki, 3—27.
- Korhonen, M. 1991, Remarks on the Structure and History of the Uralic Case system. — JSFOu 83, 163—180.
- Korompay, K. 1991, A névszórágózás. — A magyar nyelv történeti nyelvtana. I. kötet. A korai ómagyar kor és előzményei, Budapest, 284—318.
- Laanest, A. 1982, Einführung in die ostseefinnischen Sprachen, Hamburg.
- Lakó, Gy. 1986, Chrestomathia Lapponica, Budapest.
- 1991, A magyar mondatszerkezet finnugor saájtságai, Pécs.
- Lass, R. 1997, Historical Linguistics and Language Change, Cambridge (Cambridge Studies in Linguistics 81).
- Leskinen, J. 1991, Historiallisen lauseopin ongelmia instruktiiviaineiston valossa. — Vir. 1991, 25—32.
- Miklosich, F. 1868—1874, Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, Wien.
- Misteli, F. 1893, Charakteristik der hauptsächlichen Typen des Sprachbaues, Berlin.
- Munkácsi, B. 1892—1921, Vogul népköltési gyűjtemény. II. kötet. Második rész. Istenek hősi énekei, regéi és idéző igéi, Budapest.
- Munkácsi, B., Kálmán, B. 1986, Wogulisches Wörterbuch, Budapest.
- Nagy, F., Kováts, Gy., Péter, Gy. 2001, Latin nyelvtan a középiskolák számára, Budapest.
- Nikolaeva, I. 2002, The Hungarian External Possessor in a European Perspective. — Finno-Ugrians and Indo-Europeans, Linguistic and Literary Contacts, Maastricht, 272—285.
- Pamies, A. 2002, Sémantique et grammair de la possession dans les langues d'Europe. — Modélisation de l'apprentissage simultané de plusieurs langues apparentées, Nice, 67—98.
- Payne, D. L., Barshi, I. 1999, External Possession. What, Where, How, and Why. — External Possession, Amsterdam—Philadelphia, 3—29.
- Posti, L. 1937, Eräs itämerensuomalainen genitiivimuodostus. — Vir. 1937, 282—293.
- Ramat, P. 1986, The Germanic Possessive Type *dem Vater sein Haus*. — Linguistics across Historical and Geographical Boundaries. Honour of Jacek Fisiak on the Occasion of his Fiftieth Birthday. Volume 1. Linguistic Theory and Historical Linguistics. Berlin—New York—Amsterdam (Trends in Linguistics. Studies and Monographs 32), 579—590.

- R a v i l a, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF 27, 1—136.
- 1965, Sentence Structure. — B. C o l l i n d e r, An Introduction to the Uralic Languages, Berkeley—Los Angeles, 61—64.
- R é d e i, K. 1962, Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen, Budapest.
- R i e s e, T. 1990, Nochmals zu *habeo* im Wogulischen. — Gedenkschrift für Irén N. Sebestyén (1890—1978), Quinqueecclesiae (Specimina Sibirica. Tomus III), 175—180.
- R o c c h i, L. 2003, Il sintagma possessivo marcato turco: conservazione o innovazione? — Incontri Linguistici 26, 191—202.
- R o y e n, G. 1929, Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde. Historisch-kritische Studie, mit besonderer Berücksichtigung des Indogermanischen, Wien (Anthropos. Linguistische Bibliothek. Internationale Sammlung linguistischer Monographien. Band IV).
- S a n d f e l d, K. 1930, Linguistique balkanique. Problèmes et résultats, Paris.
- S c h m i d t, É. 1988, Az északi osztják birtokos névmásokról. — Bereczki Em-lékkönyv (Bereczki Gábor 60. születésnapjára), Budapest, 319—324.
- S i m o n y i, Zs. 1914, A jelzők mondattana, Budapest.
- S t o l z, T. 1991, Sprachbund im Baltikum? Estnisch und Lettisch im Zentrum einer sprachlichen Konvergenzlandschaft, Bochum.
- S u h o n e n, S. 1993, Vepsäläis-venäläisiä lauserakenteita. — Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14. 5. 1993, Turku (Turun Yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42), 158—174.
- U o t i l a, T. E. 1938, Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriß und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki.
- V e e n k e r, W. 1967, Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington—The Hague.
- W i n k l e r, E. 2003, Az uráli nyelvek habeo-szerkezetének történetéhez. — Folia Uralica Debreceniensia 10, Debrecen, 195—207.

LÁSZLÓ HONTI (Udine)

'HABERE' "AUF URALISCH"

Im Aufsatz werden die Arten der habitiven (existential-possessiven) und der possessiv-attributiven Konstruktionen der uralischen Sprachen ('jemand hat etwas' bzw. 'etwas von jemandem') sowie ihre morphologische Gestaltung und Herausbildung erörtert. Die erste Art ist ein voller Satz, die zweite ist des öfteren ein Syntagma.

1. Es gibt zwei habitive Konstruktionen:

a) Das Besitzt看ort ist das Subjekt, der Besitzer ist ein Nomen entweder mit einem adverbialen Kasussuffix (Lativ-, Lokativ- oder Ablativsuffix) oder mit einem grammatikalischen Kasussuffix (Genitiv- oder Dativsuffix) oder ohne Kasussuffix (d. h. im Nominativ) oder eine Postposition lokativer Funktion folgt dem Besitzer.

b) Das Besitzt看ort ist die Ergänzung als Objekt eines Verbs 'habere'.

2. Das Possessivattribut in der Konstruktion ist meistens ein Nomen im Nominativ oder Genitiv, seltener ist es ein Nomen im Lokativ oder ein Nomen mit lokativer Postposition, das Besitzt看ort hat entweder ein Possessivsuffix oder es hat keines.

Die uralischen Sprachen — ähnlich wie die indoeuropäischen — haben kein uraltes Verb 'habere', meistens verwenden sie in habitiven Konstruktionen die Verben 'esse' und 'non esse'.

In den meisten uralischen Sprachen wird das Possessivverhältnis auch am Besitzt看ort auch im Falle, wenn der Besitzer nicht durch ein Personalpronomen ausgedrückt wird, bezeichnet, und zwar durch das Possessivsuffix der 3. Person (im

Ungarischen ist dieses Verfahren obligatorisch, im Ostseefinnischen und Lappischen ist es unbekannt, in den übrigen uralischen Sprachen ist es optional). Die possessiv-attributive Konstruktion, in der das Possessivverhältnis (auch) am Besitzwort markiert ist, wird des öfteren als Izafet bezeichnet und ihre Entstehung wird als Ergebnis des Einflusses der benachbarten Turksprachen erklärt. Hingegen nach Meinung des Verfassers der vorliegenden Arbeit handelt es sich hier höchstwahrscheinlich um eine spontane, wohl schon in der uralischen Grundsprache vollzogene innere Entwicklung.

Es gibt Ansichten, nach denen die uralischen habitiven Konstruktionen mit dem Verb 'esse' unter dem Einfluss benachbarter indoeuropäischer Sprachen, die sog. uralischen Izafetkonstruktionen unter dem Einfluss benachbarter Turksprachen entstanden seien. Beide Typen müssen hingegen unabhängig von einander in den genannten Sprachfamilien zustande gekommen sein.